

« Псковичи посадские люди » на службах и дома

Мы чрезвычайно мало знаем об обычной жизни псковских горожан. Известны лишь имена наиболее крупных торговцев и промышленников второй половины XVII в. – Поганкиных, Меншиковых, Русиновых. А между тем Псков этого времени был подобен бурлящему котлу, где кипели страсти, приумножались и рушились состояния, плелись интриги. Стремительное возвышение Поганкиных было скорее уникальным явлением, а в основном псковский промышленник был озабочен куда более заурядными делами. Одним словом, наша работа посвящена жизни «среднего класса» в Пскове второй половины XVII в.

Пожар на Кружечном дворе

В ночь с 4 на 5 мая 1663 г. в Пскове вспыхнул пожар. Насколько можно судить по донесению псковского воеводы князя Ф.Ф. Долгорукова, пожар начался на торге в третьем часу ночи в большом мясном ряду. Новый торг занимал территорию по обеим сторонам нынешней улицы Некрасова между современными Октябрьским просп. и ул. К. Маркса. Пожар оказался необычайно губительным для города; как писал воевода, «в то пожарное время згорело во Пскове: монастыри, и церкви, и таможня, и кружечной и гостиний дворы»¹. Кружечный и гостиний дворы располагались вблизи от торга – в кварталах нынешних улиц Некрасова и Гоголя. Гостиний двор занимал территорию современного здания областной администрации, а палаты Кружечного двора стояли на месте производственного здания на ул. Гоголя, 23. Собственно, первый этаж этого здания, сложенный из известняковой плиты, и представляет собой остатки Кружечного двора, выстроенного в камне в 1686 г. и существовавшего в течение XVII в.

Аракчеев Владимир Анатольевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Псковского пединститута им. С.М.Кирова.

Кружечный двор был центром алкогольной индустрии древнего Пскова. Поскольку в России действовала государственная монополия на производство и продажу алкогольных напитков, Кружечный двор принадлежал казне. Но государство не располагало квалифицированными кадрами для управления своим хозяйством, поэтому производством и продажей алкоголя занимались в порядке повинности рядовые горожане. Посадские люди поочередно заступали на службу в «царевом кабаке» на год. В 1662 г. на службу кабацким головой на Кружечном дворе заступил Андрей Ларионов с товарищами. Для заведения дела, или, как говорили, «на завод», из казны кабацкие головы получили 5 тыс. руб., на которые были куплены вино, пиво и мед для воеводы Репнина. Эти напитки шли на угощение послов иностранных государств, часто проезжавших через Псков.

Но головам нужно было, кроме того, давать прибыль, и здесь уже они вынуждены были действовать на свой страх и риск. Первым делом Ларионов с товарищами отправились к кредиторам. У Семена Меншикова головы заняли деньги на покупку вина у шведского купца Федрика (Фридриха) Балсырева. Ананья Меншиков выдал кредит в 2 тыс. руб. медными деньгами на покупку хмеля для варки пива. Купец из Любека Юстерко Вилимонов выдал псковским кабацким головам большой кредит на покупку вина в Прибалтике. Наконец, много алкоголя и ингредиентов было куплено просто в долг. У жителя слободы Печерского Успенского монастыря Ивашки Выморского в марте 1663 г. купили «в завод» 200 пудов меда, у жителя Нарвы Ота Фабянова купили 800 ведер вина.

Пожар на Кружечном дворе стал настоящей катастрофой для псковичей, служивших головами в 1662-1663 гг. Как писал воевода Долгоруков, «от того пожару кружечный двор и всякие заводы: вино, и хлеб,

мед, и хмель, да пива 2250 ведер, меду цыжонного 160 ведер, и всякие запасы погорели без остатку, только вынесено 200 ведер вина»². Убытки достигали 5 тыс. руб. – сумма астрономическая по тем временам. Головы и после пожара продолжали изготавливать и продавать алкоголь, но прибыль была смехотворной: с 25 июня по 1 сентября 1663 г. сбор составил всего 570 руб. Деньги немедленно пошли в платеж кредиторам: 500 руб. Семену Меншикову и 70 рублей Осипу Хлебникову.

Но на голов заседали другие кредиторы, в особенности иностранные. 18 марта 1664 г. была «послана великого государя грамота во Псков к воеводам ко князю к Федору Ромодановскому с товарищи, велено иноземцом деньги доправить на голове Андрее Ларионове с товарищи тотчас, и отдать иноземцом, чтоб в том с иноземцы ссоры отнюдь не было»³. Выражение «деньги доправить на ком-либо» в XVII в. означало «взыскать с имущества должника». Если у человека не было денег, его заставляли продавать вотчину и даже дом. У Андрея Ларионова деньги, видимо, были, но другим псковичам, попавшим в долговое ярмо, зачастую приходилось совсем худо. Как гласит поговорка, «Займуя – смеются, а платя долг – плачут».

Беда Михайлы Бахарева

Такая беда приключилась в 1672 г. с посадским человеком Михаилом Бахаревым. Бахарев был поручителем по откупщикам Якушке Петрове с товарищами, которые также не вполне удачно вели дела. Убытки были разложены пропорционально по откупщикам и их поручителям, и на долю Бахарева досталась относительно небольшая сумма - всего 23 руб., но денег у Михаила не было. Как писал Бахарев в своей челобитной на царское имя, «описан в твою великого государя казну во Пскове дворишко мое..., а то мое дворишко оценено было самою малою дешевою ценою, и не допрося меня, сироты, то мое дворишко из приказу подьячие ... за те за 20 за 3 рубли продали псковскому воротнику Якушки»⁴.

Прежний владелец, естественно, был выброшен на улицу. Как указывал Бахарев,

строение в свое время обошлось ему в 150 руб., и челобитчик недоумевал: неужели он не заслужил хотя бы таких денег своими прежними делами. «И я, сирота твой, - писал он, обращаясь к царю, - ис того дворишка выгнан вон напрасно, потому что я, сирота твой, те деньги заслужил тебе, великому государю, что ездил по твою государеву пушечную казну в Ругодив»⁵. К сентябрю Бахарев наконец нашел деньги для выкупа двора и слезно умолял царя вернуть ему двор, а воротнику Якушке деньги, уплаченные в приказе, принять обратно. Осталось неизвестно, как дьяки Новгородской четверти в Москве решили это дело. Царю Алексею Михайловичу дело, естественно, не докладывали, и апелляция челобитчика к царскому имени в данном случае была простой формальностью.

Новый оклад Игнатия Колягина

В XVII в., как и сейчас, выплата налогов была главной проблемой и головной болью псковичей. Порядок сборов налогов оставался архаичным: горожане самостоятельно раскладывали налоги между собой, исходя из объема капитала, вложенного каждым в собственную торгово-промышленную деятельность. Как писал Григорий Котошихин, «против той их торговли и промыслов положено царское тягло, на всякой год, со всякого города, что доведется взяти, окладами; и те все вышеписанные чины, на кого что положено, сметяся сами меж собою по своим промыслом и животом, с кого что взяти, положат на себя сами меж собою; а кому чего не в мочь платить, збавливают и накладывают на иных, и выбраны у них бывают для таких дел старосты»⁶.

Раскладкой налогов в Пскове ведали выборные окладчики, сменявшиеся ежегодно. Окладчиками выбирались наиболее состоятельные и уважаемые в городской среде люди, как, например, купцы Сырников, Русинов и другие. Величина оклада выражалась не в реальной денежной сумме, а в относительной доле общегородского оклада. Скажем, если вся сумма налога с посадской общины приравнивалась к 10 руб., то доля каждого горожанина могла составить 7-10 «денег». Разумеется, это была только доля

от общегородского платежа, скажем, 1/200 часть, а реальная сумма налога с каждого горожанина колебалась в пределах от нескольких рублей до десятков рублей.

Рядовой посадский человек Игнатий Колягин в 1690-1691 гг. был обложен налогом с 10 денег и, сочтя, что обложили его несправедливо и по завышенной ставке, написал челобитную в Москву. 28 декабря 1691 г. псковскому воеводе Петру Апраксину пришла царская грамота, где ему было предписано вмешаться во внутреннее дело посадской общины и снизить оклад Колягина до 7 денег. Земский староста Пскова Тимофей Балакирев должен был оправдываться перед московским начальством. От имени всех посадских людей Пскова Балакирев писал, что окладчиков Афанасия Русинова с товарищи выбрали всем городом, подтвердив свое согласие подписями, причем свою «руку приложил» и обиженный Колягин: «И окладывали они, окладчики, нас сирот всех псковичей посадских людей вправду и ни на кого не посягая». Земский староста от имени псковичей подробно мотивировал свое несогласие. «Мы сироты ваши псковичи посацкие многие люди от частых многих пожаров вконец разорились, а он Игнатей Колягин з детьми во Пскове товары, и за рубеж свальными отпуски торгует, да он же Игнатей Колягин з детьми от частых пожарных разорений уцелел, и перед прошлыми годы, и перед окладом Якова Сырникова в промыслех у него и перед своею братьею гораздо умножило, и промышляючи своими торги он Игнатей з детьми обогатился»⁷.

Земский староста просил не верить ложному челобитью Колягина и, если ему «афонасьев оклад Русинова с товарищи нелюб», обложить его вновь с его промыслов. Неизвестно, чем закончилось это дело, но оно хорошо показывает, насколько хитроумно, всеми доступными способами, наиболее ушлые предприниматели старались снизить собственное налоговое бремя. Но община-мир бдительно стояла на страже городских интересов. Как говорили на Руси, «мир – дело велико: как всем миром вздохнут, так и временщик издохнет».

Городской воздух свободы

Проблема прикрепления посадских людей к тяглу во второй половине XVII в. давно находится в поле зрения отечественных историков (М.А. Дьяконов, А.Г. Маньков). В научный оборот введены царские указы 1650-1690-х гг., их постановления детально изучены, а также показан процесс применения указов на практике. А.Г. Маньков рассмотрел четыре дела о приписке к посаду Пскова бобылей церковных вотчин, относящихся к 1680-1686 гг. Анализ этих дел, равно как и правительственной политики по крестьянскому вопросу, привели исследователя к выводу о том, что побудительным мотивом законодательной деятельности была «борьба посада с феодалами за крестьян-тяглецов»⁸.

Действительно, противостояние посадских общин и крупных землевладельцев, в особенности монастырей, как, например, Иверского и Спасского, диктовало правительству необходимость урегулирования вопроса о беглых. Но далеко не все землевладельцы были заинтересованы в возвращении своих крестьян из города. В правительственных указах 1684 и 1688 гг. фигурирует одинаковое обоснование отказа феодалам в их исках: «И для того им отказано, что они нам, великим государем, не били челом многие годы»⁹. Представляется, что многие землевладельцы не предъявляли иски посадским общинам по негласному уговору со своими крепостными, которые, живя в городе и ведя крупную торговлю, приносили своим владельцам существенный доход. В данном случае государство отчасти отступало от категорического требования Уложения 1649 г. о возвращении беглых их прежним владельцам.

Рассмотрим другую сторону проблемы – борьбу посада за включение пришлых крестьян в общинное тягло. Определяющее значение в конце XVII в. сыграл указ от 19 октября 1688 г. об оставлении за посадом Ярославля и других городов крестьян, бобылей, закладчиков и захребетников, поселившихся на посадах в период с 1649 по 1684 гг. Как выяснил А.Г. Маньков, этот указ приобрел общегосударственное значение и рассылался по городам. Посадские люди Нов-

города, Старой Руссы и Нижнего Новгорода, куда указ не был послан, запрашивали его в челобитных. В 1692-1693 гг. эти города получили грамоты с изложением указа¹⁰. В аналогичном положении оказался Псков, и 2 сентября 1692 г. посадские люди Пскова отправили челобитную, инициировавшую составление особого указа. Дело о приписке в тягло пришлых людей в Пскове составило источниковую основу настоящей статьи¹¹.

Челобитная от 2 сентября 1692 г. была подписана верхушкой посадских людей в количестве 33 человек, среди которых двое земских старост, сотские всех 10 сотен, С. Поганкин, А. Русинов и другие. По структуре документ состоит из трех частей. Вначале челобитчики в деталях описали конфликтную ситуацию, сложившуюся на посаде в результате перемещения в город «изо псковских пригородов и из уездов, и из сел и из деревень розных чинов из вотчин» крестьян, бобылей, гулящих и вольных людей. Как можно судить по челобитной, посадских людей не беспокоили тяжбы с владельцами беглых. Предмет их жалобы – нарушение монополии посадских людей на торгово-промышленную деятельность и отказ пришлых людей нести тягло: «И живучи те всякие люди во Пскове и около Пскова и в посадах и меж посадов промышляют всякими сирот ваших посацкими промысла, торгуют льном и пенкою, и всякими товары, и в лавках сидят, и всякими рукодельными промысла промышляют, и с тех своих торговых и всяких промыслов нам сиротам вашим в земскую избу во всякие ваши государские подати и во всякое градское строение и в платежи и в мелкие и всякие росходы ничего в помочь не дают, и всяких ваших государских и городских и отъезжих служб не служат: чинятся сильны»¹².

Вторая часть челобитной представляет собой близкое к тексту изложение царского указа от 19 октября 1688 г. Существенное отличие изложения указа в челобитной от текста указа только в одном: в челобитной опущено последнее предложение указа 1688 г., трактующее проблему сыска крестьян, пришедших в посад после указа 17 декабря 1684 г. Таким образом, посадских людей Пскова принципно

ально не интересовала ситуация, связанная с исками землевладельцев о беглых.

Третья часть челобитной открывается заявлением, что в Псков не была выдана царская грамота, разрешающая взять пришлых людей в посад. Соответственно, псковичи просили прислать им грамоту «против государских именных указов», аналогичную уже присланной в Ярославль и другие города. В грамоте, по мнению посажан, должно было содержаться распоряжение о приписке в посад пришлых людей и сборе «по ним» поручных записей¹³.

10 октября 1692 г. из Новгородской четверти была отправлена грамота псковскому воеводе П.М. Апраксину, черновик которой сохранился в деле. Текст грамоты близок по своему содержанию царскому указу от 19 октября 1688 г. Как и в указе, в грамоте предписывалось пришлым людям, пришедшим в посад в период с 1649 по 1684 г., занимающимся торгово-промышленной деятельностью, породнившимся с посадскими людьми и вне зависимости от факта их записи в переписных книгах 1678 г. «быть во Пскове в посаде по прежнему бесповоротно». Новым членам посада предписывалось «службы служить, и подати, и во всякие платежи и в росходы велеть платить по окладу со псковскими посацкими людьми в ряд». Общине разрешалось собрать поручные записи по новым тяглецам¹⁴.

В царской грамоте псковскому посаду 10 октября 1692 г. отсутствуют важнейшие положения указа 1688 г. о разрешении споров с владельцами крестьян. В указе 1688 г. запрещалось отдавать пришлых людей, пришедших на ярославский посад до 17 декабря 1684 г., помещикам и вотчинникам в крестьянство и холопство по причине того, что они «не били челом многие годы». Поместных же крестьян, пришедших в Ярославль после этого срока, разрешалось «искать судом».

Таким образом, грамота Пскову от 10 октября 1692 г. посвящена всецело вопросу вовлечения пришлых людей в тягло и не затрагивает проблемы владения спорными крестьянами. Это говорит о специфике процессов закрепощения, протекавших на Северо-Западе России в конце XVII в. В погранич-

ных регионах землевладельцы не испытывали недостатка в рабочих руках, поскольку на всем протяжении XVII в. из-за границы шел постоянный приток «выходцев». В псковских порядных записях, переписных книгах фиксируются выходцы из Белоруссии и Прибалтики, поряжавшиеся в крестьяне и бобыли. В этих условиях тяжбы с посадом не были привлекательными для большинства церковных и светских землевладельцев.

С другой стороны, псковский посад, тяглое население которого в XVII в. значительно уступало по численности служилому, испытывал определенные сложности в несении служб и тягла. Поэтому тенденция усиления противостояния между посадской общиной и землевладельцами, хорошо прослеживаемая на материалах городов центральной России, на Северо-Западе отходила на второй план.

Примечания

1. РГАДА. Ф. 141. Оп. 5. № 351. Л. 4.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же. Л. 1.
5. Там же.
6. *Котошихин Г.* О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI-XVII веков. М., 1984. С. 287.
7. РГАДА. ф. 141, оп. 7, д. 30, л. 1.
8. *Маньков А.Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М. - Л., 1962. С. 295-296.
9. Российское законодательство X-XX вв. В 9 тт. Т. 4. М., 1986. С. 147.
10. *Маньков А.Г.* Указ. раб. С. 284.
11. РГАДА, ф. 141, оп. 7, д. 95.
12. Там же. Л. 1.
13. Там же. Л. 4.
14. Там же. Л. 35.